

СМЕХ МИХАИЛА ЗОЦЕНКО

На долю Михаила Михайловича Зощенко (1894 — 1958) выпала слава, редкая для человека литературной профессии. Ему понадобилось всего лишь три-четыре года работы, чтобы в один прекрасный день вдруг ощутить себя знаменитым не только в писательских кругах, но и в совершенно не поддающейся учету массе читателей. Журналы оспаривали право печатать его новые рассказы. Его книги, одна опережая другую, издавались и переиздавались чуть ли не во всех издательствах, а попав на прилавок, раскупались с молниеносной быстротой. Со всех эстрадных подмостков под восторженный смех публики читали Зощенко.

Свои первые рассказы Зощенко опубликовал в 1921 году, а уже через десять лет, когда он был еще только на подходе к своим главным книгам, дважды успело выйти шеститомное собрание его сочинений. Слава ходила за Зощенко по пятам. И нередко в самом прямом смысле. Почтальон приносил ему пачки писем. Ему названивали по телефону, не давали проходу на улицах. Его узнавали в трамваях, осаждали в гостиницах. Его мгновенно «засекали» везде, где бы он ни появлялся, и, чтобы уберечь себя от назойливых почитателей, он, выезжая из Ленинграда, был вынужден подчас скрываться под чужой фамилией. В то же время Михаилу Михайловичу рассказывали и писали, что по дорогам страны бродят несколько граждан, выдающих себя за писателя Зощенко.

Чем же объяснить столь небывалую для нашей литературы известность писателя? Чем объяснить, что Маяковский, такой придирчивый и скупой на высокую оценку, когда дело касалось кого-либо из «литературной братии», называл Зощенко «большим, квалифицированным и самым популярным писателем» и настаивал, чтобы «всячески продвигать в журналы» его произведения, что Есенин еще в 1922 году (Зощенко только что появился перед читателем) написал, что «в нем есть что-то от Чехова и Гоголя» и «будущее этого писателя весьма огромно», а Чуковский, вспоминая время вхождения в литературу «Серационовых братьев» — Вс. Ива-

нова, В. Каверина, Н. Тихонова, К. Федина и других, — подчеркивал, что именно на книги незаметного с виду конторщика Михаила Зощенко с каждым годом все возрастал и возрастал «ненасытный читательский спрос»? Односложный ответ здесь не годится. Он должен слагаться из целого ряда моментов, касающихся как самого Зощенко, так и времени, когда он начал писать.

Зощенко родился в Петербурге, в семье небогатого художника-передвижника. С раннего возраста, а особенно после смерти отца (мальчику было 12 лет), когда мать, страдая от унижения, обивала пороги присутственных мест с просьбой о пособии для своих восьмерых детей, будущий писатель уже хорошо понял, что мир, в котором ему довелось родиться, устроен несправедливо, и при первой возможности отправился этот несправедливый мир изучать. Он еще гимназистом мечтал о писательстве — и вот за невзнос платы его исключили из университета; нужен ли еще более веский предлог для ухода из дома — «в люди»?

...Контролер поездов на железнодорожной линии Кисловодск — Минеральные Воды; в окопах 1914 года — командир взвода, прапорщик, а в канун Февральской революции — командир батальона, раненый, отравленный газами, кавалер четырех боевых орденов, штабс-капитан; при Временном правительстве — начальник почт и телеграфа, комендант Главного почтамта в Петрограде, адъютант дружины и секретарь полкового суда в Архангельске; после Октябрьской революции — пограничник в Стрельне, Кронштадте, затем добровольцем пошедший в Красную Армию командир пулеметной команды и полковой адъютант под Нарвой и Ямбургом; после демобилизации (болезнь сердца, порок, приобретенный в результате отравления газами) — агент уголовного розыска в Петрограде, инструктор по кролиководству и куроводству в совхозе «Маньково» Смоленской губернии, милиционер в Лигове, снова в столице — сапожник, конторщик и помощник бухгалтера в петроградском порту «Новая Голландия»... Вот перечень того, кем был и что делал Зощенко, куда бросала его жизнь, прежде чем он сел за писательский стол.

Этот перечень необходим. За сухими строчками зощенковской анкеты проглядывает время, которое сегодня считается неповторимо возвышенным и великим, но которое для многих живших тогда людей было временем неслыханных испытаний — временем голода, тифа, безработицы и неуверенности в завтрашнем дне.

Зощенко видел этих людей, заглядывал им в глаза. Он

хотел узнать, как живет и чем дышит прошедший через вековое рабство его народ — и он это узнал: время услужливо протащило его по окопам двух войн, по завшивевшим весям и городам послереволюционной России и швырнуло на залитые кровью и нечистотами булыжные улицы Петрограда.

Но Зощенко не упал. Он обладал завидной для своего социального слоя стойкостью, что, кстати, так выручало его на крутых поворотах жизни. Он был на редкость восприимчив к чужому образу мыслей, что не только помогало ему разобраться в разных точках зрения на происходящую в стране ломку, но и дало возможность постичь нравы и философию улицы. За несколько лет скитаний писатель увидел, услышал и узнал столько, сколько в спокойное, неторопливое время он никогда бы не увидел, не услышал и не узнал даже за пятьдесят лет.

И не он ходил по людям с карандашом. Сами люди, расталкивая друг друга, наперебой рвались к нему на карандаш. Эти люди станут героями его произведений. Автор будет учить их смеяться над самими собой и этим смехом отстраняться от себя прежних. Но сейчас они были его учителями. И они учили его от их жизни не отстраняться.

Отправляясь в путь, Зощенко и минуты не сомневался, что будет свидетелем многих и многих неприглядных сторон русской действительности. Но то, что увидел он наяву, превзошло все его ожидания.

Воспитанный в интеллигентной дворянской семье, Зощенко попал в неведомый ему даже по самым правдивым книжкам круговорот жизни и имел, казалось бы, все шансы быть выброшенным за борт революции, как это случилось со многими из его среды, покинувшими «тонущий корабль». Но Зощенко поверил: корабль не тонет. И даже увидел свое место на этом корабле.

Он был человеком с большой, не знавшей покоя совестью. Его преследовали страшные видения, вынесенные им из жизни улицы, и, хотя он, казалось бы, не должен был чувствовать перед нею вины, он мучился от сознания, что виноват уже тем, что родился на чистых простынях. Писатель принял в сердце эту великую боль и посчитал себя мобилизованным на служение «бедному» (как позже он его назовет) человеку.

Этот человек олицетворял собой громадный человеческий пласт тогдашней России. Веками возводимый несправедливый социальный уклад, из недр которого вырвала этого человека революция, духовно его обокрал, обеднил, обделил пониманием происходящих в жизни процессов. Он с великой

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66